

Е. М. Верещага, И. В. Витер

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО НКВД НА КАМЧАТКЕ

В статье раскрываются различные аспекты советско-японских дипломатических отношений. Большое внимание уделено рыболовным отношениям двух стран. Охарактеризованы создание и деятельность японского консульства и дипломатического агентства Народного комиссариата иностранных дел СССР в Петропавловске-Камчатском. Показаны советско-американские отношения на Дальнем Востоке во время Великой Отечественной войны. Поднят сложный в советско-японских отношениях дипломатический вопрос о вынужденной посадке американских самолётов на территории Камчатки. Освещена судьба персонала японского консульства и граждан на Камчатке во время Советско-японской войны 1945 г.

Ключевые слова: СССР, Япония, дипломатические отношения, рыболовные конвенции, Императорское японское консульство, дипломатическое агентство Народного комиссариата иностранных дел СССР, Камчатка, Петропавловск-Камчатский, Великая Отечественная война, американские военно-воздушные силы, Советско-японская война, 1945 г.

E. M. Vereshchaga, I. V. Viter

THE DIPLOMATIC AGENCY OF NKID IN KAMCHATKA

The article reveals various aspects of the Soviet-Japanese diplomatic relations. Much attention is paid to the fisheries relations between the two countries. The article describes the establishment and activities of the Japanese consulate and the Diplomatic Agency of the People's Commissariat for Foreign Affairs (NKID) of the USSR in Petropavlovsk-Kamchatsky, and also shows the Soviet-American relations in the Far East during the Great Patriotic War. The paper raises a complicated in the Soviet-Japanese relations diplomatic issue of American aircrafts' forced landing in the territory of Kamchatka. The fate of the Japanese consular personnel and citizens in Kamchatka during the Soviet-Japanese War of 1945 is highlighted.

Keywords: the USSR, Japan, diplomatic relations, fisheries conventions, the Imperial Japanese Consulate, the Diplomatic Agency of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR, Kamchatka, Petropavlovsk-Kamchatsky, the Great Patriotic War, the American Air Force, the Soviet-Japanese War, 1945.

В силу своего географического положения Камчатский полуостров первый из всех регионов России столкнулся с представителями соседнего, в XVIII в. совсем ещё «неведомого» государства – Японии. Первые контакты – это японские рыбаки, торговцы, попадавшие на российские берега в результате кораблекрушений: Дэнбей, Санима, позже Кодая, Исокити, Кахэй и т. д. Контакты XIX и особенно XX вв. – это знакомство с представителями японской стороны, заинтересованными в промышленном освоении морей, омывающих Камчатский полуостров. К 1899 г. по официальным данным у берегов Камчатки ловили рыбу 33 японские шхуны, которые базировались на соседнем с Камчаткой японском острове Шумшу. Японским браконьерам благоприятствовало такое обстоятельство, как полное отсутствие какого-либо рыбнадзора на береговой полосе русского Дальнего Востока протяжением более 10 тысяч морских миль.

Первое официальное предложение о заключении рыболовной конвенции было сделано Японией правительству России в 1902 г. Тогда

же японцы представили на рассмотрение соответствующий проект конвенции, который был, однако, отклонён русским правительством.

После Русско-японской войны 1904–1905 гг. японцы настояли на включение в Портсмутский мирный договор специальной, 11-й статьи. По точному смыслу этой статьи правительство Российской империи взяло на себя обязательство «войти в соглашение с Японией в видах представления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях: Японском, Охотском и Беринговом. Условлено, что такое обязательство не затронет прав, уже принадлежащих русским или иностранным подданным в этих краях» [1, с. 337–342].

28 июня 1907 г. была подписана русско-японская рыболовная конвенция сроком на 12 лет [2]. Она определяла права японцев на рыболовство в наших водах. Они могли ловить рыбу, собирать и обрабатывать всякого рода продукты моря (кроме котиков и бобров) вдоль нашего тихоокеанского побережья, за исключением бухт и рек, указанных в специальном протоколе. Японцам разрешалось производить лов

и обработку рыбы на участках, расположенных как в море, так и на берегу.

По истечении срока первой русско-японской рыболовной конвенции (1919 г.) до момента укрепления советской власти на тихоокеанском побережье японцы были полными хозяевами в этом районе. Японское правительство заключило соглашение с Временным Всероссийским правительством (одно из образований белого движения, центр – г. Омск, часто называемое Правительством А. Колчака. – Авт.), представители которого находились в Петропавловске. По этому соглашению срок конвенции был продлён на неопределённое время, «впредь до пересмотра». Вся дальневосточная рыбопромышленность полностью перешла в руки японцев.

24 августа 1918 г. Петропавловскому областному комитету (во главе с комиссаром Червлянским) пришёл документ: *«Настоящим честь имею довести до сведения Камчатского областного комитета, что 10 августа сего года открыто в Петропавловске-на-Камчатке Императорское японское консульство. И. д. императорского японского консула С. Огата. Секретарь Т. Терадо»* [3, л. 3].

В 1921 г. японское правительство в Петропавловске представлял консул Ямагучи. 16 сентября 1921 г. ему на смену прибыл уже знакомый камчатцам С. Огата, в июле ему была предоставлена квартира. Японского консула С. Огата сменил господин Симада, приехавший вместе с семьёй в сентябре 1922-го. В газете «Камчатский листок» от 1921 г. встречаются сообщения о демонстрации фильмов в Народном доме, представленных японским консулом господином Симада. Он же давал обед в честь уходящих из Петропавловска японских миноносцев.

В 1918–1922 гг., до окончательного установления советской власти на Камчатке (до 10 ноября 1922 г.), в воды полуострова заходили и курсировали между Японией и Камчаткой японские суда, перевозившие продовольствие, рабочих. Японские суда фрахтовались также русскими рыбопромышленниками и купцами.

В 1923 г., после установления Советской власти на северо-востоке, советское правительство приняло ряд мер для восстановления рыбного хозяйства на Дальнем Востоке, организации рыболовного надзора и охраны рыбных ресурсов. Оценивая положение Камчатской губернии в 1924 г., губернское бюро РКП (б), писало: *«Слабость административного аппарата и отсутствие реальных сил на местах морского побережья по-прежнему заставляют думать*

даже лояльных иностранцев, что Камчатка и Чукотка – пустынные страны, что там нет никакой администрации, нет никакой охраны. А японцы и с администрацией мало считаются, особенно с рыбным надзором». Сообщалось о том, что под прикрытием военного флота японцы работают в наших водах на краболовных и других шхунах, которые снабжены оборудованными на них консервными заводами лёгкого типа. В эти годы в рыболовный сезон на береговых рыбалках насчитывалось до 18 тысяч японских рабочих.

20 января 1925 г. в Пекине был подписан основной договор между Советским Союзом и Японией. В дальнейшем встал вопрос о пересмотре конвенции 1907 г. или заключении новой рыболовной конвенции на длительный срок. Начавшиеся в конце 1925 г. в Москве переговоры длились около 3 лет. Новая рыболовная конвенция была подписана 23 января 1928 г. Этим был положен конец бездоговорного периода рыбопромышленной деятельности японцев в наших дальневосточных водах.

Присутствие представителей Министерства иностранных дел на Дальнем Востоке берет начало с конца XIX в., когда по приказу императора в генерал-губернаторство был назначен чиновник от Министерства иностранных дел.

Прерванную в бурные годы революции дипломатическую работу руководство СССР продолжило в 1920-е гг., когда потребовались усилия по выводу молодой советской России из политической изоляции. В апреле 1923 г. начались переговоры о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Японией. С советской стороны их вёл А. Иоффе.

В 1923 г. во Владивостоке было организовано управление уполномоченного Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР, которое работало с местными консульствами иностранных государств, контролировало проведение международной политики СССР. Об успешности проводимой управлением работы говорит хотя бы тот факт, что в июне 1923 г. его подведомственная территория была расширена. Управление уполномоченного НКВД во Владивостоке было переименовано в управление уполномоченного НКВД в Приморской и Приамурской областях. В 1924 г. к зоне ответственности управления, кроме названных выше регионов, добавились ещё Камчатская губерния и советская часть о. Сахалин.

В 1924 г. управление уполномоченного вслед за реорганизацией структуры НКВД СССР

было переименовано в дипломатическое агентство НКВД во Владивостоке.

В Вербальной ноте от 31 июля 1925 г. говорилось: «Правительство СССР, предполагая открыть консульства в городах Дайрен, Сеул, Токио, Коб, Иокогама, Хакодате, Цуруга, Нагасаки, готово предоставить возможность японскому правительству открыть консульства в следующих городах: Москва, Владивосток, Хабаровск, Александровск, Петропавловск (на Камчатке), Благовещенск, Николаевск (на Амуре)» [4]. В тот же день приходит послание в НКВД, в котором говорится, что в Хабаровск в качестве генерального консула Японии назначается Г. Хиодзи Нихей, в Петропавловск в качестве консула Японии – Сейсюку Огата (очевидно, как знакомый с Камчаткой с 1918 г.). Сотрудниками консульства состояли Тэйдзи Мурасе и Томио Фудо [4, л. 60].

Японское консульство в Петропавловске открылось 15 октября 1925 г. В сфере деятельности консульства указывался город Петропавловск. В 1926 г. сфера деятельности расширяется до Петропавловского уезда, а в 1931-м в консульский округ включается кроме Петропавловска весь Камчатский округ. В 1934 г. в подведомственность консульства – Петропавловск, Петропавловский, Большерецкий, Усть-Камчатский районы Камчатской области ДВК. С августа 1936 г. в консульский округ входят: Петропавловск, Быстринский, Милюковский, Петропавловский, Усть-Большерецкий, Усть-Камчатский районы и Корякский национальный округ [5, л. 60–61 об.].

Наличие на полуострове большого количества японских рабочих и предприятий, тем более появление официального органа Японии, диктовали и характер взаимоотношений на всех уровнях, помня агрессивные действия Японии в совсем недалёком прошлом. Циркулярное письмо губернского бюро ВКП (б) от 19 октября 1925 г. предупреждало: «Приграничное положение Камчатской губернии, наличие иностранных, главным образом японских концессионных и арендных предприятий на Камчатке (рыбалки, заводы и прочее), обязывает советские и партийные органы наши к особой осмотрительности и выдержанности в своих мероприятиях, дабы не дать повода к недоразумениям и кривотолкам, могущим быть так или иначе использованными иностранцами в их интересах». Говорилось о том, что японцы заинтересованы в усилении своего влияния, в снятии ограничений в эксплуатации рыб-

ных богатств, обусловленных в соглашениях. «...Имеются сведения, что в некоторых районах японская администрация предприятий проявляет стремление к персональным сближениям с местными ответработниками, причём прибегает к "дружеским" и "на память" подаркам, точно так же, по просьбам местных работников, делает одолжения общественным организациям.

Практикуется устройство нечто вроде банкетов, с выпивками на брудершафт, практикуется угощение представителей таможни и ГПУ, прибывающих в наши порты иностранных пароходов». Письмо призывало к выдержке, осмотрительности, к соблюдению чисто официальных отношений «с представителями иностранного капитала» [6, л. 19–21].

До 1927 г. японское консульство в Петропавловске-Камчатском являлось постоянным, и его сотрудники находились в городе круглый год. Начиная с 1927 г. консульство начинает функционировать только в период летней навигации и рыболовного сезона на Камчатке, ежегодно открываясь весной и закрываясь осенью. На зимний период в консульстве оставался только сторож. Такая практика была введена по инициативе японцев, которые высказали своё намерение «закрывать на зимний период, исключая особые обстоятельства» [7, л. 13].

Дипломатическое агентство Народного комиссариата иностранных дел СССР в Петропавловске начало работать в рамках реализации советско-японской рыболовной конвенции 1928 г. Его деятельность была направлена на сведение к минимуму конфликтов, возникавших между японскими рыбопромышленниками и кораблями, приходившими для «охраны рыбалок», и советскими властями на Камчатке, а также на принятие мер против нарушения японцами законов и правил, установленных для конвенционных районов.

Задачи дипагентства советский дипломатический агент Г. Тихонов сформулировал так: дипагентство «стремилось в своей работе добиться сведения к минимуму возникающих из года в год конфликтов между японскими рыбопромышленниками, миноносцами и советскими властями на Камчатке, и, вместе с тем, принимать меры против нарушения японцами законов и правил, действующих в конвенционном районе».

В 1930-х гг. дипагентство имело всего 2 сотрудников, так как считалось нецелесообразным иметь 3 работников, исходя из того, что

работа сезонная – с мая по сентябрь. В рыболовный сезон для контроля за японцами временно с сотрудниками консульства на западном и восточном побережьях полуострова находились и дипломатические агенты. Хотя им и предлагалось: одному агенту быть на побережье, а второму – в городе, где находится японский консул и все областные организации.

С 1933 г. дипагентство стало действовать постоянно, а не сезонно. Агентство рассматривали как орган, *«совместно работающий над общей задачей по освоению Камчатки»*. Учитывая огромный дефицит площадей в городе, дипломатическое агентство получило одну из комнат в здании облисполкома. В марте 1934 г. заместитель наркома Г. Сокольников обращался к народному комиссару снабжения А. Микояну: *«Придавая исключительное значение Камчатке в наших взаимоотношениях с Японией... учредил постоянное Дипломатическое агентство НКВД в Петропавловске на Камчатке. В связи с этим, перед Наркоминделом встал вопрос о помещении для Дипагентства, которое в течение года вынуждено ютиться в одной из маленьких комнат общежития комсомольских работников, вместе с канцелярией, сотрудниками и их семьями, и проводить всю свою работу, как официальные переговоры с консулом, сотрудниками японского консульства и пр. иностранцами, а также вести шифрработу в обстановке постоянного хождения посторонних людей, шума, пения, криков и т. д. Такая обстановка, дискредитирующая в глазах иностранцев Дипагентство НКВД, приводит к самым нежелательным для нас последствиям и ставит работу НКВД под угрозу срыва на этом чрезвычайно ответственном в настоящих условиях участие»* [8, л. 42–44].

Но отдельное здание для дипагентства так и не было построено, хотя в переписку по вопросу помещения дипагентства были вовлечены и Председатель Дальневосточного крайисполкома, и заведующий 2-м Восточным отделом НКВД, и зам. Наркоминдела СССР, и Нарком иностранных дел М. М. Литвинов, и зампреда, и Председатель СНК СССР В. М. Молотов.

Штат японского консульства в 1934 г. был увеличен. Теперь он включал консула, вице-консула и двух секретарей. По заявлению японцев, должность вице-консула вводилась в связи с необходимостью изучения рыболовных вопросов к планировавшемуся в 1935 г. началу переговоров о пересмотре советско-японской

рыболовной конвенции, заключённой в 1928 г. Об этом японское правительство официально заявило 26 мая 1935 г.

Отношения консульства и дипагентства складывались из многих повседневных дел. Это были и ноты протеста против браконьерства японских судов в советских водах, это была и помощь экипажам потерпевших аварии японских судов, это были и взаимные встречи, приёмы и обеды по случаю приезда и отъезда консула.

Большое количество страниц в архивных делах занимают «Акты, составленные советской стороной о нарушении японскими кораблями территориальных вод СССР, 1934 г.».

«28 июня японский консул (так в документе. – Авт.) сообщил Дипагентству о том, что в районе Соболево в территориальных водах СССР 25 июня потерпел аварию пришедший на завод фирмы Ничиро № 18 японский рефрижератор "Хоко-мару". Для спасения парохода на место аварии выходят японский коммерческий пароход "Унио-мару № 3" и миноносец "Масаказе". В связи с этим японский консул просил разрешить заход обоим судам в наши территориальные воды для оказания помощи аварийному пароходу [9, л. 8]. Погранвластям было предложено установить в официальном порядке, кто из администрации завода посылал кавасаки на миноносцы, и причину их посылки. Местными погранвластями эти указания были поняты неправильно и оказались невыполненными» [10, л. 13].

В 1936 г. истёк срок действия рыболовной конвенции 1928 г. С 1936 по 1940 г. действие старой конвенции ежегодно пролонгировалось временными соглашениями. 20 июня 1940 г. советское правительство сообщило японской стороне основные условия, на базе которых могла бы быть заключена новая рыболовная конвенция. Дальнейшие переговоры велись на базе этих условий и продолжались в течение 1940–1941 гг. В июне 1941-го, в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз, переговоры были прерваны.

Дипломатическим агентом НКВД на Камчатке в 1930-е гг. был Савельев, в 1935 г. – Ф. Чужеземцев. В 1938 г. дипломатические представительства СССР и Японии в Петропавловске возглавляли временно исполняющий обязанности дипломатического агента Любимов и консул Юхаси Сигето.

Ухудшение отношений СССР и Японии в связи с конфликтом на оз. Хасан, как и внутриполитическая обстановка по выявлению

и разоблачению «врагов народа», не могли не сказаться и на отношениях консульства и дипагентства, советские руководители всеми способами старались отклонить предложения японского консула о приёме и обедах.

Персонал японского консульства небезосновательно подозревали в разведывательной деятельности. С одной стороны, дипломатические каналы издавна использовались как источник получения секретных сведений, а с другой – к этому были вполне реальные поводы. Так, 21 июля 1938 г. сотрудники НКВД отметили, что персонал японского консульства – повар и сторож – под видом рыбной ловли и прогулки посещал м. Сигнальный, на котором размещалась база гидросамолётов, так называемый гидроаэропорт. По данным управления НКВД, японцы наблюдали за самолётами и разгрузкой в порту пароходов, принадлежащих Акционерному Камчатскому обществу (АКО), привозивших грузы специального назначения. Управление НКВД просило дипагента Любимова предупредить консула о том, что вход японцев на м. Сигнальный запрещён во избежание различных недоразумений.

Из отчёта: «24 июля (1943 г. – Авт.) в районе Камень Гаврюшкин в 1,2 мили от берега задержана японская шхуна "Дайичи Сумийоси мару" № 2725. На шхуне обнаружены 2 бинокля военного образца и карта Камчатки. Водоизмещение шхуны 70 тонн, мотор 75 л. с., команда 9 человек и 2 пассажира: представитель компании по перевозке рыбы и представитель Ничиро» [11, л. 64].

Деятельность японского консульства в эти годы носила сезонный характер. Однако было установлено, что в зимнее время, когда консул отсутствовал на полуострове, информационный департамент токийского МИД продолжал получать сведения о происходивших в Петропавловске событиях – о демонстрации 7 ноября, о грузах, завозимых в порт. Был сделан вывод, что основным источником утечки всей информации являлся сторож консульства Такэмацу Такео, живший в Петропавловске безвыездно в 1930–1946 гг.

По состоянию на 1 августа 1941 г. в японском консульстве в Петропавловске насчитывалось 6 человек. Среди них Ясуки Икута, исполняющий должность консула, Сайто Тадаси и Хигураши Нобунори – секретари консульства, повар Хасимото Исаму, сторож Такамацу Такео и его жена Такамацу Хама. В апреле 1942 г. в Петропавловск был назначен новый консул – Такано Токичи.

Представляет интерес справка, составленная в августе 1942 г. дипломатическим агентом Савельевым [12, л. 43–213]. Он обращает внимание на некоторые моменты в поведении японцев. Японцы почти на всех заводах проводили военные занятия и игры. Установлено, что более или менее регулярно занятия велись на 27, 29, 30 и 34 заводах западного побережья. Японцы старались строевые занятия вести скрытно, используя соответствующую обстановку и выбирая подходящее время. К военным занятиям японцы привлекали не весь контингент рабочих, а только определённую часть, годную к строевой службе, которая, однако, в среднем составляла не менее 60–70 процентов от общего количества рабочих. Военное обучение состояло, в частности, из проведения тактических занятий по штыковому бою с применением бамбуковых палок, бросания гранат с использованием связок камней.

Японцы более или менее регулярно проводили политбеседы среди рабочих. На некоторых заводах эти беседы проводили в определённое время по 3 раза в неделю и, видимо, по определённой программе. На заводе № 27 занятия велись по брошюре «О необходимости расширения священной войны на Востоке», использовался также журнал «Информационный еженедельник» по вопросам текущей политики. Занятия немедленно прекращались при появлении советских работников.

Выдержки из отчёта дипломатического агента НКВД СССР на Камчатке А. Савельева о поездке на западное побережье Камчатки. 30 июля – 26 августа 1942 г. [13].

«Инспектора Дальрыбы передавали мне, что на заводе № 29 занятия проводились по изучению устава молодёжно-патриотической организации. Вёл эти занятия переводчик Ямахата и конторщик Ито. Некоторые беседы проводил доверенный завода Като. Не подлежит сомнению, что среди рабочих велась работа "Патриотической Лиги Тихоокеанского Бассейна" и молодёжно-патриотической организации, но подробных сведений о деятельности этих организаций на промыслах я не получил» [там же].

В начале 1943 г. переговоры о рыболовном соглашении возобновились, и 30 марта 1944 г. закончились подписанием двух соглашений: о ликвидации японских концессий на северном Сахалине и о пролонгации на 5 лет рыболовной конвенции с существенными изменениями, внесёнными в конвенцию 1928 г. по предложению советского правительства.

Японцы в 1944 г. полностью законсервировали рыболовные участки на восточном побережье (согласно московскому соглашению от 30 марта 1944 г.), в Приморье, на Сахалине и в Охотском рыбопромысловом районе, а также многие участки на западном побережье Камчатки. Общее количество японских рабочих по сравнению с прошлыми годами значительно уменьшилось.

В военный 1944 г. состав консульства насчитывал 5 человек (сам консул, 2 его секретаря и сторож с женой). В 1944 г. консул Такао Масао прибыл в Петропавловск с большим опозданием, только 21 сентября, то есть к самому завершению рыболовного сезона. Он на японском пароходе объехал западное побережье, откуда на траулере АКО «Восток» возвратился в город. Консула сопровождали 2 секретаря: старший – Сайто Тадаси и младший (в котором советская сторона подозревала шифровальщика) – Сато Сичиро.

В 1944 г. дипагентство возглавлял Н. И. Тимофеев. Нахождение консула в Петропавловске зимой, по мнению дипагента Тимофеева, могло иметь только разведывательный характер. «По примеру прошлых лет японское консульство прибывало в Петропавловск только во время рыболовного сезона, следовательно, кроме разведывательных целей (интересно отметить, что только с 1 ноября по 14 ноября японское консульство отправило в Токио 27 телеграмм; очевидно, что, кроме "обычной" информации, японцы передавали метеосводки), надо полагать, у японского консула других вопросов не будет» [14, л. 116].

Отмечалось, что сезонников отличала военная выправка. На работу они выдвигались стройными колоннами, а когда бригадир разговаривал с рабочими, те стояли перед ним навытяжку. Поражала быстрота, с которой японцы покидали пароходы...

«В течение рыболовного сезона 1944 г. японские суда, самолёты и арендаторы 13 раз нарушали государственную границу СССР. Так, днём 9 июля в районе м. Лопатка самолёт типа СБ-98 на высоте 100 м вошёл в воздушное пространство СССР. Он был обстрелян советской зенитной батареей, безрезультатно израсходовавшей 16 снарядов. Утром 24 июля в районе м. Сивучий самолёт типа МР-97 на высоте 500 м нарушил границу и заходил в хвост советскому самолёту на дистанции 400 м».

Из дневника дипагента НКВД на Камчатке Тимофеева Н. И. за период с 21 октября по

24 ноября 1944 г.: «На 21 октября 1944 года на побережье Камчатки осталось 833 японца, которые находились на 31 и 33 японских рыбозаводах» [15, л. 118]. В годы Великой Отечественной войны (и войны США и Японии с декабря 1941 г. – Авт.), помимо стандартных вопросов и сфер взаимоотношений консульства и дипагентства, появляется объёмная переписка по поводу вынужденных посадок американских самолётов [15, л. 118].

«Взаимоотношения сторон в войне на северном Тихом океане в 1941–1945 гг. в большой степени были необычными. С одной стороны, СССР и США были союзниками, и большие половины грузов в рамках программы ленд-лиза пришло в Советский Союз именно тихоокеанским путём. С другой стороны, советско-японский пакт нейтралитета исключал военное сотрудничество между США и СССР. Советский Союз по условиям этого договора должен был оставаться нейтральной стороной в войне между Японией и США. Американские самолёты, оказавшиеся в воздушном пространстве СССР, должны были рассматриваться как нарушители, а их экипажи подлежали интернированию до конца войны. При этом американским военным лётчикам, работавшим в регионе, предписывалось прилагать все усилия по обеспечению безопасности транспортных кораблей, следовавших с грузами из США на советский Дальний Восток. Инструкции для лётчиков 4-го Флотского Авиакрыла ВМФ США (Fleet Air Wing Four) были весьма однозначными: если нужно было выбирать между атакой на японскую военную цель и охраной советского судна, выбор был за грузы для Советов» [16].

Из дневника А. Я. Вышинского (заместитель народного комиссара иностранных дел. – Авт.): «Приём японского посла Сато. 24 апреля 1942 г... Я принял Сато в 13 ч. 30 мин. Сато начал с заявления о том, что он меня побеспокоил так срочно вследствие того, что произошло то, чего они больше всего боялись. Дело идет о случае с приземлением американского военного самолёта на территории СССР. Сато заявил, что этот случай доказывает, что Советский Союз предоставляет американским самолётам базы. Он хотел бы знать, что было в действительности и те обстоятельства, при которых американский военный самолёт мог прилететь в Советский Союз. Сато предупредил, что он не имеет ещё от своего правительства инструкций и говорит сейчас со мной по своей личной инициативе <...> что при повторении

таких случаев нельзя к ним относиться, как к случаям изолированным, и что эти случаи должны рассматриваться как предоставление американским самолётам на нашей территории базы, что способно привести к очень опасным последствиям в наших отношениях. Я (Вышинский. – Авт.) ответил Сато, что с таким толкованием вопроса о предоставлении баз согласиться нельзя, так как никаких баз мы американцам не предоставляли, а интернирование американского самолёта и команды полностью соответствует требованиям международного права. Что касается повторения таких случаев, то, как это вполне понятно послу, это также зависит не от нас. Отношение же наше к такого рода случаям определяется опять-таки принципами международного права. Сато на это заявил, что "из беседы с Молотовым он хорошо понял, что СССР избегает всяких поводов к недоразумениям, и что у СССР нет намерения предоставлять американцам базы и на будущее. Однако если на территории СССР приземлятся после нападения на Японию несколько десятков или больше американских самолётов, то это будет означать, что Советский Союз им предоставил базы". Вышинский на это ответил, что с таким толкованием он не может согласиться и сослался «на Гаагскую конвенцию, которая возлагает соответствующие обязательства на нейтральное государство» и действия СССР полностью соответствуют действиям Гаагской конвенции. Далее Сато заявил буквально следующее: «Если Советский Союз не даст гарантий относительно будущего, то я думаю нам нужно об этом сожалеть. Самый лучший выход, я бы сказал, из этого положения был бы, чтобы Советский союз отказал Соединенным Штатам Америки в использовании советской территории для посадки американских самолётов». На это высказывание последовал ответ Вышинского: «...Наши действия и наша позиция в этом вопросе определяются принципами международного права, и мы тоже исходим из пакта о нейтралитете, и никаких противоречий между пактом о нейтралитете и принципами международного права нет и быть не может, т. к. самый пакт о нейтралитете опирается на принципы международного права» [17, л. 80–83].

11 сентября 1943 г. стало чёрной датой в истории американской 11-й Авиационной Армии (Eleventh Air Force). После бомбардировки Шумшу и Парамушира на Алеуты вернулись только пять из восьми «Либейторов» и все-

го четыре из двенадцати «Митчеллов». Один В-24 сел в Петропавловске по пути к Курилам из-за неполадки двигателя, другой В-24 и три В-25 были сбиты. Еще один В-24 и пять В-25 были настолько потрепаны японскими истребителями и зенитчиками, что были вынуждены приземлиться на аэродром Елизово около Петропавловска. Людские потери составили 22 убитых, 51 интернированный и один взятый в плен. Семеро авиаторов вернулись на базу с ранениями разной тяжести. После такого провала американская армейская авиация остановила свои курильские операции на полгода.

25 сентября 1943 г. наркоминдел сообщает японскому послу Сато следующее: из дневника С. А. Лозовского (заместитель народного комиссара иностранных дел. – Авт.): «...Выяснилось, что 12 сентября с. г. на Камчатке приземлились три американских самолёта, нарушившие советскую границу вследствие неисправности моторов. Несколько позже в тот же день появились над территорией Камчатки четыре других американских самолёта, нарушившие советскую границу, были обстреляны советскими истребителями и вследствие этого были вынуждены приземлиться. В соответствии с общепринятыми международными нормами все вышеуказанные самолёты вместе с их командами были интернированы местными военными властями». Сато настаивал, «чтобы советское правительство согласилось предоставить японской стороне возможность ознакомиться на месте с корпусами американских самолётов, с интернированными экипажами и протоколами». На это Лозовский заявил, что «ознакомление японской стороной на месте с американскими самолётами и их командами противоречило бы принципам международного права и поэтому совершенно исключено. Если бы какой-нибудь японский самолёт совершил вынужденную посадку на советской территории и был бы у нас интернирован, то советское правительство ни в коем случае не допустило бы американскую сторону к ознакомлению с японским интернированным самолётом и его командой, так как Япония и США воюют между собой» [18, л. 224–227].

Ответ вроде бы удовлетворил японского посла, но он все же настаивал на том, чтобы ему сообщили тип самолётов, количество членов экипажей, а также высказал предположение, основываясь на показаниях пленного американского лётчика, «что приземление американского самолёта в случае необходимости на советской

территории входило в преднамеренный план американцев». На это он получил ответ: «Известно только то, что на нашей территории приземлились военные самолёты. Показания попавшего в плен японцев американского лётчика вовсе не известны. Что касается причин посадки самолётов, то вообще они бывают разные, так, например, иногда лётчики садятся на территорию нейтрального государства для того, чтобы выйти из войны, подвергшись интернированию. <...> Такие случаи могут произойти и с японскими лётчиками» [19, л. 80–83].

От заведующего 2-м Дальневосточным отделом НКВД Царапина поступает рекомендация: «Считаю целесообразным, чтобы и в этом году наш дипагент в Петропавловске на Камчатке в какое то ни было обсуждение данного вопроса с японским консулом не вступал. Дипагенту предложить на вторичный запрос консула ответить, что ему об этом ничего не известно. Если же с этим вопросом обратится Сато в Наркоминдел, то ему в таком случае можно было бы ответить, что по наведенным нами справкам действительно имел случай посадки американского самолёта в районе Петропавловска. Однако эта посадка была вынужденной ввиду аварии самолёта. При этом можно разъяснить, что при посадке самолёт разбился, и часть экипажа самолёта оказалась тяжело раненой, причём все члены экипажа нами интернированы» [20, л. 43–44].

Вынужденные посадки американских самолётов создавали нервную обстановку, и в каждом отчёте дипагента давалась краткая информация о вынужденных посадках союзных самолётов.

«19-го января в 14 часов 45 минут местного времени на аэродроме Елизово (в 35 км от Петропавловска) совершил вынужденную посадку американский бомбардировщик типа Б-24. Самолёт исправный. Впервые (1945 г. – Авт.) оказалась не взорванной секретная аппаратура. Экипаж 12 человек, все здоровы, пограничниками интернированы». Это был один из четырёх самолётов, которые летали «на бомбардировку японских баз на Парамушире», но после утечки масла вынуждены были повернуть обратно к базе, и, получив разрешение командира звена, повернули на Камчатку. В начале февраля эти 12 американских лётчиков были на самолётах ГВФ отправлены в Хабаровск. Никаких фамилий в дневниках дипагента не упоминается [21, л. 14].

В конце февраля в районе Лопатки бомбардировщик типа Б-25 сделал пять кругов над

заставой, был обстрелян. 6 человек экипажа выбросились на парашютах, а «самолёт улетел на север, предполагают – упал в море». Далее в дневнике упоминается следующий эпизод: «3 марта. 11 ч. 25 мин. в 15 км севернее заставы Лопатка на нашу территорию было сброшено 9 авиабомб, предположительно с американского самолёта. Пограничники полагают, что в условиях плохой видимости самолёт США потерял ориентировку и принял мыс Лопатку за один из Курильских островов» [22, л. 57–58].

11 мая в 10.00 и в 21.19 на аэродроме Елизово совершили вынужденную посадку два американских самолёта типа Б-24 и Б-25, возвращающиеся с бомбардировки японских баз на Курильских островах. Старший лейтенант Эрнест Стисел ранен в ногу, положен в лазарет. Сержант Павел Утчек убит и похоронен со всеми воинскими почестями. Остальные 17 человек экипажей самолетов были интернированы.

20 мая в 20.05 на аэродроме Елизово приземлился самолёт США типа Б-25. «За истекшие полтора месяца 4 самолёта США совершили вынужденную посадку на аэродроме Елизово. Экипаж этих самолётов 37 человек, один из них убитый и один раненый – находится в лазарете. Всего на 1 июня 1945 г. на Камчатке находится 35 человек интернированных военных лётчиков» [23, л. 64–66].

10 июня в 12.43 на аэродроме Елизово совершил вынужденную посадку самолет США типа Б-24 (Митчелл). «Посадка произведена без выпуска шасси, на нижнюю часть фюзеляжа. В результате фюзеляж смят, моторы полуманы. Экипаж самолёта 6 человек, из них один убит (механик Мэтью Гладек, 20 лет. – Авт.), остальные 5 человек здоровы, пограничниками интернированы».

В тот же день в 12 часов над м. Лопатка на высоте 100 м появился самолет Б-24 (Митчелл). «Батарея произвела 31 выстрел <...>. Пограничники полагают, что самолет США, подбитый японскими истребителями, был сбит батареями ТОФ». Самолет упал в районе батареи и взорвался. Экипаж погиб и был похоронен в районе катастрофы [24, л. 69–70].

Всего до конца войны вынужденную посадку на Камчатке совершили 12 «Вентур», 12 «Митчеллов» и 9 «Либереиторов». Выжившие 250 авиаторов были интернированы по условиям советско-японского пакта о нейтралитете, но благодаря секретному сотрудничеству между НКВД и американскими военными властями, оказались дома до окончания войны.

Последние 52 из них были отправлены домой уже после начала советско-японской войны и избежали необходимости секретного перехода границы с Ираном. Их самолёты ремонтировались и «долётывали» свой ресурс на службе в ВВС и рыбной разведке.

Дипломатическому агенту приходилось решать вопросы эксплуатации рыбных промыслов, охраны концессионных участков, отношений с японским консульством, строительства отдельного дома для дипагентства. Так, дипагент И. С. Бяков оказывал содействие в регистрации велосипеда, принадлежащего японскому консульству, содействовал в приобретении билетов в кинотеатр, ремонту радиоприёмника, покупке продуктов (2 кг чая, 2 кг сливочного масла, 3 литра растительного масла), покупке противогоза, лампы, керосина. Консул объяснял необходимость покупки противогоза тем, что «их сторож, будучи без противогоза, не был допущен на почту, и консульство не успело отправить почту с отходившим пароходом» [25, л. 64–66].

11 февраля 1945 г. на Ялтинской конференции в Крыму было подписано соглашение о том, «что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии...»

5 апреля 1945 г. был денонсирован советско-японский пакт о нейтралитете, заключённый 14 апреля 1941 г.

8 августа 1945 г. СССР объявил войну Японии. В этот же день на территории Камчатской области было введено военное положение.

9 августа 1945 г. в числе сотрудников японского консульства были 5 человек: вице-консул Такао Масао, старший секретарь консульства Сайто Тадаси, секретарь консульства Сато Сичиро, а также сторож Такамацу Такео и его жена Такамацу Хама.

Из дневника дипагента НКВД И. С. Бякова [26, л. 81]: «9 Августа. В 6 часов утра по камчатскому времени по радио было объявлено заявление Советского правительства о состоянии войны с Японией.

В 9 часов утра личный состав японского консульства в Петропавловске был интернирован органами НКВД и оставлен в помещении консульства в четырёх комнатах нижнего этажа, пятую комнату занял дежурный НКВД. Верхний этаж, вход и выход на веранду опечатан. Из консульства изъяты два радиоприёмника, телефон выключен. Интернированным разрешается выходить на усадьбу, на базар, в магазин за покупками.

При интернировании консул просил офицера НКВД тов. Николенко разрешить им слушание радиотрансляционной сети и получении местной газеты "Камчатская правда", а также осведомлялся о том, как они будут покупать продукты и расплачиваться за них, ссылаясь на отсутствие запасов продовольствия и достаточного количества денег.

На предупреждение офицера быть готовыми к эвакуации, консул сказал: "Вряд ли этого потребуются, так как с выступлением Советского Союза война закончится в несколько дней, а для нападения на Петропавловск у японского командования нет достаточных резервов" [26]. В день объявления войны на западном побережье Камчатки на 75 заводах стояли под погрузкой рыбопродукции два японских парохода Касадо-Мару и Рюхо-Мару № 2. Пароход Рюхо-Мару № 2 был задержан пограничниками, а пароход Касадо-Мару после бомбардировки нашей авиацией затонул...» (В документах эта ситуация объясняется так: пароход попытался уйти, предупреждение пароход игнорировал, и после этого его остановили бомбардировкой. – Авт.).

«Японские арендаторы в количестве 655 человек и экипажи судов в количестве 121 человека были интернированы погранвластями.

Всего было интернировано 776 человек, и один японец утонул во время интернирования. С 18 августа интернированные японцы использовались на различных работах в рыбокомбинатах АКО. 20 августа 1945 г. Погранвласти приступили к передаче бывших японских предприятий на Камчатке Акционерному Камчатскому обществу. Дипагент Бяков» [там же].

Советско-японская война, которую на западе называли «Маньчжурской бурей», завершилась полным разгромом и капитуляцией Японии. Одним из следствий победы СССР стала ликвидация японских промыслов на дальневосточном побережье: рыбозаводы, участки и базы на побережьях Камчатки и на Курильских островах уже в августе и сентябре 1945 г. вошли в состав АКО. Само АКО с 15 октября 1945 г. прекращало свою деятельность и преобразовывалось в Камчатский государственный рыбопромышленный трест.

В октябре 1945 г. дипломатический агент НКВД на Камчатке И. С. Бяков уезжает с Камчатки.

Выражаем большую благодарность за предоставленную возможность и помощь в работе с документами Архива внешней политики РФ

директору Историко-документального департамента МИД России Надежде Михайловне Бариновой; фондохранителю, старшему советни-

ку Елизавете Игоревне Гусевой; второму секретарю Историко-документального департамента Марии Анатольевне Донец.

1. Портсмутский мирный договор 1905 года. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 337–342.
2. РГИА ДВ [Российский государственный исторический архив Дальнего Востока]. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.
3. Рыболовная конвенция между Союзом ССР и Японией со всеми относящимися к ней материалами. М. : Литиздат Нар. комиссариата по ин. делам, 1928.
4. АВП РФ [Архив внешней политики Российской Федерации]. Ф. 0146. Оп. 9. П. 120. Д. 36. Л. 60.
5. Там же. Оп. 19. П. 173. Д. 61. Л. 60–61об.
6. ЦДНИКО [Центр документации новейшей истории Камчатской области]. Ф. 2. Оп. 2. Д. 627. Л. 19–21.
7. АВП РФ. Ф. 1046. Оп. 11. П. 135. Д. 46. Л. 13.
8. Там же. Оп. 17. П. 161А. Д. 90. Л. 42–44.
9. Там же. Ф. 0348. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
10. Там же. Ф. 1046. Оп. 11. П. 135. Д. 46. Л. 13.
11. Там же. Оп. 26. П. 245. Д. 5. Л. 64.
12. Там же. Оп. 25. П. 244. Д. 76. Л. 43–213.
13. Там же. Ф. 0348. Оп. 8. Д. 1. Л. 100–118.
14. Там 15. Там же. Л. 118.
16. Борис Ильченко. Несостоявшаяся кампания Второй мировой [войны] и проигранный воздушный бой Нишизавы // Уголок неба : большая авиац. энцикл. : [сайт]. URL: <https://www.airwar.ru/> (дата обращения: 31.04.2025).
17. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 25. П. 238. Д. 5. Л. 80–83.
18. Там же. Оп. 26. П. 245. Д. 3. Л. 224–227.
19. Там же. Оп. 25. П. 238. Д. 5. Л. 80–83.
20. Там же. Оп. 26. П. 246. Д. 12. Л. 43–44.
21. Там же. Оп. 29. П. 269. Д. 9. Л. 14.
22. Там же. Л. 57–58.
23. Там же. Л. 64–66.
24. Там же. Л. 69–70.
25. Там же. Л. 64–66.
26. Там же. Л. 81.